

НИ СВЕТ.
НИ ТЬМА.
НИКОМУ
НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ.

ОНА – СЛЕПОЕ ПЯТНО,
КОТОРОГО ОНИ НЕ МОГУТ НАЙТИ.

Я НЕ ВАША

РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАРИ ЛЮБРОН

МАРИ ЛЮБРОН
Я НЕ ВАША

«Автор»

2026

ЛЮБРОН М.

Я НЕ ВАША / М. ЛЮБРОН — «Автор», 2026

Обычная операция в университетском госпитале Нанси должна была стать рядовой медицинской процедурой. Но наркоз сорвал тонкую грань между мирами. Очнувшись, Анна обнаруживает, что на нее открыли охоту две древние полярные силы, веками делившие души людей на покорных овец и топливо для костров. Один предлагает абсолютную безопасность, целительный покой и безупречную опеку. Второй — пьянящую страсть, запретные знания и дерзкий вызов. Они привыкли, что человек всегда делает выбор и становится их трофеем. Но сорокалетняя женщина с острым умом и въедливым характером отказывается играть по чужим правилам. Погружаясь в старинные архивы Лотарингии, Анна нападает на след травницы XVII века, которая триста лет назад сумела взломать систему бессмертных с помощью обычной земной науки. Сможет ли Анна сохранить суверенитет своей воли, когда забота оборачивается золотой клеткой, страсть грозит сжечь дотла, а оба мужчины впервые в своей вечности теряют контроль?

© ЛЮБРОН М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

МАРИ ЛЮБРОН

Я НЕ ВАША

Глава 1

Ремень дорожной сумки привычно врезался в плечо, а вторую, поменьше, я перехватила поудобнее, стараясь унять мелкую дрожь в пальцах.

На трамвайной остановке было ветрено. Рельсы слабо гудели от приближающегося вагона, а я смотрела на собственное отражение в стекле павильона и в очередной раз ловила себя на мысли, которая преследовала меня сколько я себя помнила: *я не такая, как все*.

Это не было дешевым высокомерием. Скорее — странным, неотвязным ощущением, будто я наблюдаю за миром сквозь невидимую прозрачную перегородку. Всю жизнь мне необъяснимо везло там, где другие терпели крах. Я умудрялась выходить сухой из воды из самых нелепых переделок, а сны... Сны иногда снились настолько пугающе четкие и предупреждающие, что наутро реальность казалась всего лишь их бледной копией. Иногда я одергивала себя: *«Прекрати, ты просто слишком много о себе думаешь. Ты обычная»*.

Но вот сегодня я была абсолютно земной, уязвимой и испуганной.

Я ехала на плановую госпитализацию. Завтра утром — операция по удалению желчного пузыря. Разум твердил: *«Это рутина. Лапароскопия. Десятки тысяч людей проходят через это каждый день, риск минимален»*. Но холодный липкий страх под ложечкой все равно не отпускал.

Трамвай довез меня до конечной — плато Брабуа. Госпиталь возвышался надо мной серой массивной громадой, словно отдельный автономный город.

Раздвижные стеклянные двери первого этажа бесшумно разошлись, впуская меня в огромный, гулкий холл. Здесь пахло смесью крепкого больничного кофе из автоматов, дезинфицирующих средств и влажных осенних курток. Вокруг непрерывным потоком сновали люди: врачи в шуршащих халатах, санитары, везущие пустые каталки, растерянные родственники с бахилами в руках.

Найдя указатель, я подошла к лифтам. Металлические двери с глухим звоном закрылись, отрезая шум вестибюля, и кабина плавно потянула меня вверх — на седьмой этаж.

Наверху атмосфера сменилась: здесь было тихо, стерильно и по-деловому спокойно. На посту меня встретили с приветливой, успокаивающей улыбкой, словно ждали именно меня, и проводили в небольшую комнату ожидания.

Вскоре вошла медсестра — с мягким голосом и целой папкой бумаг. Мы не спеша заполнили все юридические бланки и согласия. Затем — привычные рутинные процедуры: липучка манжеты на предплечье, мерное накачивание воздуха, прохладный щелчок стетоскопа. — Давление отличное, — ободряюще кивнула она.

Острый укол иглы в вену, пара пробирок с темной кровью для лаборатории, быстро наклеенный пластырь. Все происходило так механически правильно и буднично, что страх начал понемногу отступать, уступая место тягучему ожиданию.

Просидев в тишине комнаты ожидания еще несколько минут, я услышала тихий стук в дверь: — Ваша палата готова, пойдете.

Я подхватила сумки и пошла следом за медсестрой по длинному белому коридору.

Дверь за медсестрой мягко закрылась, и в палате воцарилась плотная, почти осязаемая тишина.

Я поставила сумки на пол и огляделась. Пространство было выверено до миллиметра: высокая регулируемая кровать с пультом на витом шнуре, ламинированная тумбочка на коле-

сиках, консоль с медицинскими газами в стене и нейтральный свет потолочной лампы. Ничего лишнего. Всё предельно функционально и стерильно.

Первым делом я подошла к широкому окну. Седьмой этаж давал редкую перспективу: прямо внизу, как на ладони, лежал главный вход в Брабуа и трамвайное кольцо. Я видела, как очередной вагон плавно подкатил к платформе, распахнул светящиеся двери и выпустил маленькие, с высоты почти игрушечные фигурки людей. Они спешили, кутались в шарфы, торопились по своим обычным делам. Еще час назад я была одной из них на том же тротуаре, а теперь стояла здесь, отрезанная от их суеты толстым стеклопакетом. За платформой и полосой деревьев вдалеке мягко мерцали огни вечернего Нанси.

Я вернулась к вещам. Разложила на тумбочке телефон, зарядку, влажные салфетки и бутылку воды.

Затем был душ — обязательный больничный ритуал перед операцией. Красная пена специального антисептика с резким йодным запахом, скрипящая от чистоты кожа, жесткое белое полотенце. В этом было что-то ритуальное, словно я смывала с себя привычный внешний мир перед завтрашним днем.

Вернувшись в комнату, я переоделась, налила себе последний разрешенный стакан воды и посмотрела на часы на экране телефона.

До полуночи оставалось меньше часа — после этого строгий запрет: ни крошки, ни единого глотка.

Я набрала короткое сообщение близким, что со мной все в порядке и я уже устроилась, выключила верхний свет, оставив лишь приглушенное бра у изголовья, и забралась под хрустящее одеяло.

За окном окончательно стемнело. Трамваи стали ходить реже, их звонки снизу долетали глухим, приглушенным эхом.

. В палату зашли две медсестры: выдали инструкции и снова — уже не в первый раз — уточнили про депиляцию зоны бикини.

Внутри шевельнулся червячок сомнения: неужели я что-то упустила? Дома перед поездкой в госпиталь я чуть ли не до пояса обмазалась депиляционным кремом, перепроверяя всё по десять раз, чтобы там не осталось даже микроскопического волоска.

Они выдали мне флаконы со специальным антисептическим гелем и отправили в душ. Я сделала еще раз всё строго по правилам: намылилась, смыла, вытерлась казенным жестким полотенцем, надела больничную рубашку.

Потом началось тягучее ожидание. Я то мерила шагами палату, то садилась на кровать и тупо смотрела в экран телефона. Неожиданно накатила тяжелая, липкая сонливость. Меня буквально выключало: проважусь в дрему на пять минут — очнусь, через пару минут снова проваливаюсь на десять, потом на пятнадцать... И так тянулось около двух часов.

Наконец дверь открылась. Вошел санитар и буднично сообщил, что пришло время ехать вниз.

Странно, но меня накрыло абсолютно неестественное спокойствие. Ни мандража, ни дрожи в пальцах, ни паники, которая мучила накануне. Внутри стоял полный, глухой штиль.

Меня переложили на кровать и повезли в предоперационный зал ожидания. Там уже стояло несколько коек с другими пациентами — мужчинами и женщинами, отрешенно глядящими в потолок.

В этом зале мне пришлось провести больше часа. Я снова и снова соскальзывала в странные, вязкие полусны. Мне снилось, будто я веду непрерывный разговор сама с собой: задаю сложные, непонятные вопросы и сама же из какой-то внутренней глубины четко и уверенно на них отвечаю.

Периодически в зал заходили хирургические команды по два-три человека в синих костюмах и увозили койки. Тех пациентов, кто чувствовал себя крепче, вели пешком.

Вскоре подошли и к моей кровати: — Анна? Сможете дойти сами? — Да, вполне, — ответила я.

Я спустила ноги на прохладный пол и пошла следом за медиками.

Мы вышли в огромное операционное крыло. Его масштабы просто ошеломляли: бесконечный, залитый холодным светом лабиринт из блоков, шлюзов, мониторов и герметичных дверей. Настоящий автономный подземный город, где всё подчинялось собственным законам.

Меня подвели к одной из дверей, створки разошлись, и мы вошли внутрь.

Посередине операционного блока, прямо под массивными выключенными софитами бесцветных ламп, стоял высокий, узкий операционный стол...

Меня завели в блок и сразу начали сверку: фамилия, имя, точная дата рождения и знаю ли я, какую именно операцию и на каком органе мне должны провести. За последние сутки эти вопросы мне задавали раз десять, не меньше. Больничный протокол работал как часы: исключить любую ошибку, не перепутать человека и орган.

Анестезиолог задерживался на пару минут, о чем меня сразу предупредили. Но внутри по-прежнему стоял абсолютно ровный, стеклянный штиль.

Я легла на узкий стол. Медсестры принялись за привычные манипуляции: установили катетер, пустили прозрачную струйку первой капельницы, прикрепили датчики к пальцу и груди, подключив меня к шуршащим аппаратам.

Вскоре вошел анестезиолог — спокойный, собранный мужчина. Он представился, коротко объяснил, что сейчас поможет мне уснуть, и пододвинул маску.

Ее плотно прижали к моему лицу: — Дышите глубоко и спокойно.

Я сделала один вдох, второй, третий...

Меня не просто выключило — меня с осязаемой силой *втянуло* куда-то в глубину.

Внезапно вокруг открылось абсолютно светлое, залитое ровным сиянием пространство. И в этом пространстве я увидела саму себя со стороны. Я стояла напротив своего же отражения и вела непрерывный разговор. Я задавала вопросы, и из уст своего двойника получала совершенно невероятные, глубокие, нечеловечески точные ответы на вещи, о которых никогда не знала в обычной жизни.

А затем мой двойник растворился.

Вместо него прямо передо мной проступили два силуэта — один густой, сотканный из темной тени, второй ослепительно светлый.

Темный силуэт шагнул вперед и глухо, с насмешливым интересом спросил: — Ты веришь во тьму? — Нет, — спокойно ответила я.

Тогда вперед подался светлый силуэт: — Ты веришь во Всевышнего? В Бога? Я лишь слегка пожала плечами: — В Бога я не верю.

Они замерли. В пространстве повисла тяжелая немая пауза, после которой один из них глухо бросил другому: — Она не определена. Значит, мы не можем ее забрать. Она не принадлежит ни вам, ни нам.

В то же мгновение меня словно толкнуло изнутри.

Глаза открылись. Надо мной стояла медсестра, сосредоточенно нажимавшая кнопки на пишущем кардиомониторе. Заметив мой взгляд, она мягко наклонилась: — Всё хорошо? Как вы себя чувствуете? Я лишь слабо качнула головой: да, всё нормально.

Первым делом я приподняла край простыни и заглянула под нее. На вздутом от медицинского газа животе белели всего четыре аккуратных лейкопластыря. Больше ничего.

Я огляделась по сторонам. Это был огромный послеоперационный зал пробуждения: длинные ряды коек, на которых лежали другие пациенты, еще не вышедшие из глубокого наркоза.

Минут через пятнадцать, когда приборы подтвердили стабильность, мою кровать повезли к лифтам и вернули на седьмой этаж.

Едва оказавшись в своей палате, я снова провалилась в тот же странный, вязкий сон. И в этом сне я опять вела бесконечный диалог с самой собой.

Позже приходили дежурный врач и медсестра: меня осмотрели, подключили свежие капельницы, проверили повязки. А внутри меня стояло такое мертвое, железобетонное спокойствие, что мне становилось не по себе от самой себя: *почему мне совершенно не страшно? Почему мне так все равно?*

Так прошла вся ночь. Границы стерлись: я то просыпалась на несколько минут, то снова уходила в дрему, теряя понимание, где сон, а где явь. Сны были до пугающего осязаемыми. Мне снилось, будто в палату заходит медсестра, садится рядом, и мы долго, свободно беседуем.

И только окончательно проснувшись, я поняла всю странность этого видения: в жизни она говорила исключительно по-французски, а в моем сне мы говорили без единого языкового барьера, словно понимали мысли друг друга напрямую.

Около восьми утра в коридоре слышались уверенные шаги. Вошел хирург в сопровождении дневной медсестры:

— Доброе утро, Анна. Как прошла ночь?

— Терпимо. Тянет только, — голос после трубки звучал глуховато.

— Это нормально, газ после лапароскопии еще выходит, мышцы реагируют. Давайте глянем проколы.

Медсестра аккуратно приподняла край рубашки. Доктор прощупал живот вокруг четырех повязок.

— Отлично. Живот мягкий, воспаления нет, швы сухие. Дренаж не понадобился, кровопотери не было. Если к полудню подниметесь, попьете воды и не будет тошноты — выпишем вас сегодня. Дома восстанавливаться всегда легче.

Медсестра сменила наклейки, извлекла катетер из вены и протянула папку с выпиской:

— Берегите себя, Анна. Тяжести не поднимать, резких движений не делать. Через десять дней покажитесь своему терапевту.

Я медленно переделалась в свои вещи, взяла сумку и вышла в коридор. Лифт спустил меня на первый этаж, и я вышла наружу.

Прохладный осенний ветер сразу ударил в лицо. Я дошла до платформы и села на металлическую скамейку под навесом.

И тут свет на остановке странно мигнул.

Не как от перепада напряжения в сети, а словно на долю секунды весь спектр разделился: слева пространство мазнуло тяжелой, пепельной серостью, а справа — резким, слепящим белым бликом.

Я подняла голову.

На противоположной стороне путей, за стеклом павильона, стоял человек в темном длинном пальто. Лица было не разобрать, но он не смотрел ни на табло, ни на дорогу. Он смотрел прямо на меня.

И одновременно с этим, метрах в десяти правее, возле входа в госпиталь, замер другой силуэт — в светлой куртке, неподвижный среди снующей толпы.

Оба они не двигались. Люди огибали их, но никто не задевал их плечом, будто оставляя вокруг них пустое пространство.

По рельсам прошла вибрация, трамвай загородил обзор, и я поспешила зайти внутрь.

Дома я оказалась совершенно без сил. Поднявшись к себе, бросила сумку у порога и на негнувшихся ногах дошла до дивана.

Но уснуть не получалось. В голове с пугающей четкостью стояли те двое. Тот, что во тьме. И тот, что в сиянии.

Я дотянулась до ноутбука, открыла браузер и полезла на эзотерические форумы, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение сущностям, свидетелем которых стала.

И тут строчки на экране дрогнули.

В комнате резко похолодало. Текст в открытой вкладке начал стираться сам по себе, буква за буквой. А затем на пустом белом поле, символ за символом, в реальном времени начал печататься новый текст:

«Если ты называешь это энергией, Анна, правила не перестают работать».

Дыхание перехватило. Строка опустилась ниже:

«Ты сказала "нет" обоим. Но пустых мест у нас не бывает. Мы вернемся за ответом».

Ноутбук издал короткий хриплый писк и мгновенно погас, превратившись в черное зеркало.

— Что за хрень?! — вырвалось у меня вслух.

От резкого движения шов на животе обожгло болью.

— Меньше надо по помойкам лазить, — зло пробормотала я сама себе, пытаюсь зацепиться за логику о вирусах. — Начиталась всякой мути на свежую голову...

Я пошла по квартире, щелкая выключателями. Включила верхний свет в зале, коридоре, зашла на кухню и налила стакан воды.

И в эту секунду свет с сухим щелчком погас во всей квартире. Наступил чернильный мрак.

А следом тишину разорвал резкий звонок домофона.

З-з-з-ы-ы-нь.

Чашка выскользнула из пальцев и разбилась о плитку. На часах микроволновки светилось: **23:48.**

Я вышла в прихожую, посмотрела в глазок. Площадка была пуста, но прямо на моем коврик лежали две вещи: обугленная, исходящая дымом ветка и свежий белый цветок.

Динамик домофона тихо зашипел. Открывать дверь я не собиралась ни при каких обстоятельствах. Я осторожно сняла трубку:

— Кто там?

В ответ из динамика раздалось два голоса.

Сначала с треском углей — насмешливый, низкий:

— Ошиблась адресом, когда говорила, что не наша? Тебе же всегда нравилось заглядывать за край, Анна...

И следом — чистый, ледяной хрусталь:

— Ты носишь чужую метку. Баланс нарушен. Не делай выбор вслепую.

Трубка в руке раскалилась, я с визгом выронила ее, и в этот же миг свет в квартире вспыхнул снова. Звуки стихли.

Не выключая ни одной лампы — выжигая электричеством каждый темный угол, которого я так панически боялась с самого детства, — я забралась на кровать прямо в одежде.

Прижав колени к груди и держась за ноющий бок, я вжалась в угол спальни, не сводя глаз с ярко освещенного дверного проема.

Сидеть вот так, сжавшись в углу и гипнотизируя взглядом дверной проем, было глупо. Страх страхом, но внутри меня постепенно закипала злость. Я не из тех, кто забивается под плинтус и ждет, пока его сожрут. Если какая-то дрянь решила устроить цирк в моем собственном доме, мне нужны были факты, а не паника.

Я откинула тяжелое одеяло. Боль в проколах на животе тут же напомнила о себе тупой, ноющей пульсацией, но я заставила себя встать на ноги. Подошла к столу, забрала остывший ноутбук, принесла его обратно на кровать, села, упершись спиной в изголовье, и открыла крышку.

Палец нажал кнопку питания. Экран моргнул, привычно засветился логотипом системы и загрузил рабочий стол. Никаких черных окон, никаких рваных букв. Обычный компьютер.

Я снова открыла браузер. Но теперь я искала целенаправленно, отмечая весь религиозный бред про грехи, покаяние и козни дьявола.

Первым делом я вбила то, что мучило меня с самого пробуждения: *«Диалог с самим собой под наркозом в трансе» «Разговор с собственным двойником тонкий план» «Состояние глубокого расщепления сознания проводники»*

Страницы замелькали перед глазами. Я вчитывалась в статьи по трансовым состояниям, шаманизму и глубокому погружению в подсознание. И чем больше я читала, тем четче складывался пазл.

То, что произошло в зале ожидания и в операционной, не было бредом. Это был глубочайший транс — состояние, в которое обычные практики пытаются войти годами с помощью медитаций или дыхания. Наркоз просто выбил из-под меня физическое тело, а сознание не уснуло.

Тот «двойник», с которым я говорила, не был галлюцинацией. Это было мое Высшее «Я» — чистая, не замутненная человеческими страхами память души. А ответы, которые я сама себе давала с такой нечеловеческой уверенностью... это работали Проводники. Невидимые силы, которые держат человека на нейтральной полосе, провели меня через этот коридор, чтобы я сама себя протестировала перед встречей.

Затем я перешла к главному: *«Сущности светлого и темного спектра астрал» «Две противоборствующие силы на границе перехода эзотерика» «Сущности высшего порядка отказ от выбора»*

Эзотерические трактаты давали жесткую, сухую раскладку без церковных соплей.

Никакого «добротого Бога» и «злого Сатаны» в человеческом понимании там не существовало. Это были две мощнейшие, древние разумные структуры — две полярные сущности высшего порядка.

Светлая сущность — это эгрегор абсолютного порядка, контроля, растворения личности в общем потоке и подчинения строгой иерархии. Для него человек — это батарейка, которая должна безропотно отдавать свой ресурс через поклонение. Темная сущность — это эгрегор разрушения, первобытных страстей, эгоизма и хаоса. Он забирает силу через страх, слабости и боль.

Они тысячелетиями делили между собой души, как территорию на карте. Каждый человек добровольно или бессознательно отдавал себя одной из сторон.

Но когда на их перекресток попала я — человек, который не питает страхом тьму и не отдает волю свету, который живет по своей совести и не нуждается в их поводах, — система дала сбой. Для этих сущностей я была аномалией. «Ничья».

Они не могли просто так забрать то, что им не отдали добровольно. И теперь, когда я сорвала их привычный сценарий, они не собирались оставлять меня в покое. Для обеих сущностей я стала целью.

Я захлопнула крышку ноутбука. На этот раз руки не дрожали.

В комнате было светло и тихо, но теперь я точно знала: это не галлюцинация, не психоз и не вирус на форуме.

Я положила локти на колени и зарылась пальцами в волосы.

«Нужно от них избавиться. Но как?»

Они точно не отстанут. Я видела их взгляды там, в пустоте, и слышала их голоса в домофонной трубке. Для них это дело принципа. Я сломала их вековой порядок, не отдав себя ни одной стороне, и теперь они будут давить, пока я не сломаюсь или не сделаю выбор.

Первой мыслью было найти кого-то живого, кто в этом разбирается. Поговорить. Спросить совета у того, кто уже сталкивался с сущностями такого уровня.

Но кого?

Я скривилась от одной только мысли. Современный «рынок» эзотерики вызывал у меня рвотный рефлекс. Кругом одни шарлатаны и клоуны. Сидят в ТикТоке и Инстаграме расфуфыренные девицы с накладными ресницами и на полном серьезе вещают на миллионную аудиторию: *«Девочки, если у вас блок энергии, просто выходите утром в поле, раскиньте руки и орите в небо: "За все спасибо, Вселенная!"»*.

Мусор. Дешевая показуха для идиотов. Ни один настоящий эзотерик, знающий цену слову и законам тонкого мира, никогда в жизни не выдаст подобной чуши. Настоящая работа с энергиями — это жесткая внутренняя дисциплина, техника безопасности и знание законов мироздания, а не крики в форточку с картой желаний под подушкой.

Про «потомственных ведъм» в десятом поколении и деревенских бабок с выкатыванием яиц даже думать было тошно. Бабки в платочках, обвешанные иконами, которые за пару тысяч рублей якобы снимают порчу сырым яйцом, а сами не видят дальше своего забора. Все эти «гуру», открывшие третий глаз за двухнедельный онлайн-курс и гребущие деньги за шаблонные расклады — они бы при первой же встрече с этими двумя сущностями поседели от ужаса и побежали жаловаться в полицию.

Мне не нужны были посредники и клоуны из соцсетей.

Мне нужны были первоисточники. Старые книги, закрытые архивы, древние тексты — то, что писалось веками назад реальными практиками, а не блогерами ради лайков и донатов. Мне нужны были трактаты по защитным контурам, законам неприкосновенности воли и разрыву ментальных привязок.

Если я хочу от них закрыться, мне придется копать самой. Глубже, чем когда-либо.

Я снова пододвинула к себе ноутбук, но на этот раз напрочь закрыла все социальные сети и популярные поисковики. Я полезла в оцифрованные архивы старинных библиотек и закрытые хранилища редких сканов.

Если эти двое считают себя древней силой, значит, и ответы против них нужно искать там, где время измеряется не годами, а эпохами.

Остаться в четырех стенах больше не было сил.

Каждая минута в этой залитой электрическим светом квартире превращалась в изощренную пытку. Они не являлись передо мной во плоти — никаких рогатых силуэтов или ангелов с крыльями посреди коридора не стояло. Но их присутствие ввинчивалось прямо в кости, в каждую клеточку тела.

Они давили невидимо, методично проверяя мою психику на прочность.

Стоило мне на секунду отвлечься, как воздух вокруг стучался. Слева, из темного угла спальни, накатывала удушливая, тяжелая волна — словно кто-то невидимый стоял в полушаге за спиной, наклонившись к самому затылку, и обдавал кожу запахом озона и серы. Волосы на руках вставали дыбом, сердце сбивалось с ритма, инстинкты орали: *«Беги!»*.

Но стоило мне резко обернуться вправо — там пространство встречало другим кошмаром: слепящей, ледяной стерильностью. Воздух становился настолько плотным и морозным, что каждый вдох отдавался жгучей болью в легких. Казалось, за мной наблюдает безжалостный рентгеновский луч, высвечивающий каждую мысль, готовый раздавить за малейшую слабость.

Они играли со мной в кошки-мышки. Один давил страхом, второй — виной и холодом. Они хотели, чтобы я сорвалась, взмолилась о пощаде или сделала шаг навстречу кому-то из них.

— Хрен вам, — сквозь зубы процедила я, с силой сжимая кулаки, пока ногти не впились в ладони.

Я не собиралась сидеть мишенью в собственной спальне. Сидеть в интернете и ждать, пока на экране снова начнут печататься чужие угрозы, было бесполезно. Цифровой мир был для них открытой дверью.

Нужны были реальные, пыльные, материальные страницы.

Франция хранила в себе пласты истории, до которых никакому интернету не добраться. Старинные ордена, средневековые алхимики, закрытые ложи, сожженные гримуары и библиотеки, помнившие инквизицию и чумные годы. Здесь, в Лотарингии, земля была буквально пропитана древними текстами.

Я заставила себя подняться. Тело ныло после операции, проколы на животе пульсировали тупой болью, но адреналин заглушал всё.

Я натянула плотный свитер, свободное шерстяное пальто, аккуратно завязала шарф, чтобы спрятать бьющийся в лихорадке пульс на шее, и взяла сумку.

Выходя из квартиры, я даже не взглянула на коврик перед дверью. Были там ветка с цветком или исчезли — плевать. Я закрыла замок на два оборота, спустилась по лестнице и толкнула тяжелую дверь подъезда.

Снаружи ударил сырой осенний воздух Нанси. Серые каменные фасады старого города, мокрая брусчатка, тусклое утреннее солнце, с трудом пробивающееся сквозь тучи.

Моя цель была ясна: мне нужна была не обычная публичная библиотека, а старый архив — туда, где хранились редкие манускрипты, дореволюционные издания и непереуевенные латинские тексты.

Я шагнула на мостовую, чувствуя, как невидимое давление двух сил следует за мной по пятам, растягиваясь длинными тенями по мокрому асфальту.

Я решила начать с самого масштабного и закрытого места — **Департаментского архива Мёрт и Мозель** (*Archives départementales de Meurthe-et-Moselle*), расположенного на улице Кансель.

Дорога далась тяжело: каждый шаг отдавался глухой болью в животе, а в воздухе за моей спиной не переставали сменять друг друга удушливая гарь и ледяной сквозняк. Они шли за мной. Незримо, на расстоянии вытянутой руки, натягивая нервы до предела.

В современном стекляннo-бетонном здании архива царилa стерильная тишина. Я оформила временный читательский билет, сдала пальто в ячейку и поднялась в читальный зал. За столами сидели пара пожилых исследователей и студент, копавшийся в микрофильмах.

Я запросила описи по религиозным делам герцогства Лотарингского XVI–XVII веков — эпохи знаменитого судьи Николя де Реми, отправившего на костер сотни людей.

Среди сотен протоколов допросов и конфискованных дневников я искала не типичные признания запуганных крестьян. Меня интересовали аномалии. И через два часа в одном из отчетов инквизиторского трибунала за 1589 год я наткнулась на странное дело травницы из предместья Сен-Николя.

В протоколе писарь с ужасом зафиксировал:

«...Обвиняемая не признала власть Сатаны даже под тисками, но и святое распятие оттолкнула, плюнув под ноги канонику. Она утверждала, что стоит на Пути Пустоты (Via Vacua), где нет власти ни престолов, ни бездны. В ее доме изъят символ круга, расщеченного двумя незамкнутыми полумесяцами...»

Женщину сожгли, но приписка на полях латынью гласила: *«Душа не отдала свидетельства ни Богу, ни Зверю. Знаки запечатаны в книгохранилище герцога»*.

За разгадкой этих знаков я отправилась в самое сердце старого города — в **Библиотеку Станисласа** (*Bibliothèque Stanislas*) на улице Станислас.

Здесь время застыло. Высокие дубовые шкафы XVIII века, скрипучие половицы, золоченные корешки и тяжелый запах вековой пыли и кожи. В зале наследия (*Salle patrimoniale*) под строгим взглядом хранительницы я получила доступ к редким трактатам эпохи Ренессанса.

В полумраке библиотеки преследование ощущалось особенно жутко: страницы соседних книг на стеллажах сами собой едва слышно шуршали, а лампа на моем столе то тускнела до багрового фитилька, то вспыхивала ослепительной белизной. Я сжала зубы и листала фолианты.

В трактате неизвестного алхимика лотарингского двора «*De Animis Neutris*» («О нейтральных душах», 1642 г.) я нашла то, что искала.

Там черным по белому описывался феномен **«Третьей природы»**:

Души, не вошедшие в договор ни с одной иерархией, алхимики называли «*Animæ Indomitæ*» — Неприрученные.

Свет и Тьма в трактате именовались не добром и злом, а **«Двумя Жерновами»**. Их задача — перетирать человеческую волю в питательную энергию для своих эгрегоров. Если душа отвергает оба клина, она становится для них «слепым пятном» и одновременно величайшей угрозой: ее нельзя подчинить обычным законом воздаяния.

Но главное — там было описано, как они охотятся. Они не могут убить тело напрямую — им нужно, чтобы человек **добровольно испугался** или **добровольно попросил спасения**. Все их знаки, звонки и морок — провокация, чтобы сломать защиту нейтралитета.

Оставался последний вопрос: как разорвать их канал слежения прямо сейчас?

За этим я поехала в **Городской архив Нанси** (*Archives municipales de Nancy*) на улице Анри Базен. Там хранились личные записи и карты старых закрытых обществ города, включая чертежи тайных помещений средневековых госпиталей.

Перебирая пожелтевшие чертежи старых лечебниц ордена Святого Иоанна, я нашла рукописную записку врача-оккультиста XVIII века. В ней была простая, жесткая инструкция по установке ментального щита:

Полный эмоциональный вакуум. Нельзя испытывать ни страха перед тьмой (это их пища), ни надежды на помощь света (это их крючок).

Зеркальный контур. Создание границы на перекрестке четырех элементов (металл, соль, пепел и проточная вода), замыкающей пространство от внешних проекций.

Отказ от диалога. Любое слово, мысль или ответ в их сторону укрепляет мост. Молчание и осознание своей независимости — выжигает их присутствие, как кислота.

Я захлопнула папку с чертежами. В читальном зале архива резко похолодало, но я больше не оглядывалась.

Я вышла из Городского архива, когда на Нанси уже опустились густые, влажные сумерки. Воздух пропитался холодной моросью, размывающей желтый свет фонарей.

Домой я возвращалась с кристально ясной головой. Больше никаких панических метаний и включенного везде света. Я знала их слабость. Им нужны были мои эмоции: мой страх, моя ярость или моя мольба о помощи. Без них они не могли дотянуться до моего рассудка.

В супермаркете возле дома я купила три пачки крупной морской соли и бутылку негазированной воды. Поднявшись на свой этаж, я даже не замедлила шаг перед ковриком. Я повернула ключ, зашла в темную прихожую и закрыла замок.

Свет я включать не стала.

Квартира встретила меня густой, давящей тишиной, которая буквально звенела от присутствия чужого напряжения. Но теперь это меня не пугало. Я действовала механически, как хирург в операционной.

Сняв пальто, я прошла на кухню. Взяла глубокую металлическую миску, высыпала туда соль, налила воду и бросила щепотку пепла от сожженной на плите бумажной салфетки. Металл, соль, вода и пепел — якоря материального мира.

С миской в руках я медленно обошла квартиру. Я не читала молитв, не сыпала заговорами из интернета и не ставила свечей. Вся эта театральщина — лишь корм для эгрегоров. Я просто проводила мокрой от соленой воды рукой по косякам окон и дверей, устанавливая глухую, слепую ментальную стену.

Моя территория. Моя воля. Входа нет.

Я не произнесла этого вслух — я выстроила это намерение внутри себя, выжигая из головы любую эмоцию. Полный, мертвый штиль.

И они поняли, что я делаю. Система взбесилась.

Едва я дошла до спальни, начался штурм.

Справа, со стороны окна, ударил ослепительный, вибрирующий белый свет, от которого заболели глаза даже в темноте. Оконное стекло задрожало мелкой, дребезжащей дробью. В голове зазвенел хрустальный, повелительный голос, срывающийся на жесткую угрозу: *«Ты закрываешь глаза перед бездной! Твое гордое невежество погубит тебя! Прими защиту, пока тьма не сожрала твой разум!»*

Я молча провела влажными пальцами по раме окна, замыкая контур. Свет мигнул и погас, оставив после себя запах жженого озона.

Слева, от дверного проема, накатила удушливая волна. Воздух стал плотным, как мазут. В нос ударил тошнотворный запах гнили и горячей проводки. Тяжелый, низкий смех растекся прямо по позвоночнику: *«Кому ты ставишь стены, Анна? От себя не закроешься. Твое тело уже гниет изнутри после наркоза. Ты останешься одна в этой клетке... и сойдешь с ума»*.

Колени предательски задрожали от навалившегося животного ужаса. Сердце рванулось к ребрам, инстинкт кричал упасть, забиться в угол, закричать.

Я глубоко вдохнула. *Эмоциональный вакуум*. Это не мой страх. Это их проекция.

Я выпрямилась, подошла к дверному косяку и мазнула по нему соленой водой.

Стена плотного воздуха лопнула с таким звуком, будто в комнате разорвали гигантский кусок брезента. Меня отшатнуло назад. В ушах одновременно взвыли два голоса — высокий звенящий и низкий рычащий, — слившись в невыносимый скрежет.

А затем всё оборвалось.

Абсолютная, оглушительная тишина рухнула на квартиру.

Я стояла посреди темной спальни. В воздухе больше не было ни озона, ни гари. Никто не дышал мне в затылок. Не было ощущения слезки. Пространство снова стало просто пространством — кирпичными стенами, мебелью, воздухом.

Я опустилась на край кровати, поставила миску на пол и впервые за двое суток нормально, глубоко выдохнула.

Мой щит сработал. Я отрезала им доступ.

Резкий звонок в дверь ударил по нервам, как разряд тока. Я буквально подскочила на кровати, едва не выронив из рук то, что осталось от защиты, а свежие швы на животе отозвались неприятной тянущей болью.

Сердце снова заколотилось где-то в горле. Неужели пробили?

Я медленно, на цыпочках подошла к двери и осторожно прильнула глазом к стеклу.

На лестничной клетке под желтой дежурной лампочкой стояла Наташа. В своем привычном расстегнутом пальто, с шарфом набок и телефоном в руке. Она сердито переминалась с ноги на ногу, явно собираясь нажать на звонок еще раз.

Огромная волна облегчения смыла напряжение. Живой, нормальный человек из плоти и крови.

Я щелкнула тяжелым замком и потянула ручку на себя.

Наташа даже поздороваться не успела — она буквально влетела в прихожую, осыпая меня претензиями прямо с порога: — Ты издеваешься?! Я тебе звоню-звоню, обрываю телефон, ты вообще трубку не берешь! Я уже подумала, что тебе после выписки плохо стало, чуть скорую сюда не вызвала! Ты где вообще пропала?!

Она скинула туфли, шагнула вглубь коридора, включила свет и замерла на месте, уставившись на обстановку.

Вид квартиры действительно был тот еще: на полу металлическая миска с серой соленой жижей и пеплом, мокрые соленые разводы на дверных косяках, на столе раскрытые блокноты с выписками из архивов, а посреди всего этого стою я — бледная, взъерошенная, с дикими глазами и в уличной одежде.

Наташа медленно повернулась ко мне, окинула взглядом весь этот «алтарь» и округлила глаза: — Ну ты, мать, даешь... Что с тобой стряслось вообще? Ты тут обряд экзорцизма производишь, что ли?

Меня словно прорвало. Накопившееся за двое суток напряжение, страх, злость и усталость выплеснулись наружу сплошным потоком. Я потащила ее на кухню, на ходу, сбивчиво и горячо пересказывая всё: и странный транс под наркозом с разговором самой с собой, и двух силуэтов — черного и светлого, и то, как они не смогли меня забрать, и жуткие надписи на форуме в ноутбуке, и ночной звонок в домофон с раскалившейся трубкой, и архивы Лотарингии, и эту осаду за стенами.

Пока я говорила, Наташа молча стояла, опершись о столешницу, и не перебивала.

Но по выражению ее лица я видела всё. Ее брови медленно ползли вверх, в глазах читалась смесь шока, жалости и искренней тревоги. Она смотрела на меня в точности так, как смотрят на тяжелобольного или умалишенного человека, у которого на фоне стресса и наркоза окончательно поехала крыша.

Я замолчала, тяжело дыша.

Наташа пару секунд просто смотрела мне в глаза, явно подбирая слова, чтобы не спровоцировать «припадок». Вслух она ничего из своих мыслей озвучивать не стала — то ли боялась спорить с человеком в таком состоянии, то ли решила просто не усугублять.

Она только тяжело вздохнула, стянула пальто, повесила его на спинку стула и очень мягким, чересчур осторожным голосом произнесла: — Так... Давай я сейчас поставлю чайник. А ты сядь и не дергайся. Тебе просто нужно поесть и поспать.

Я не собиралась сдаваться и позволять списывать всё на наркозный бред. Слишком уж легко было отмахнуться, но только не с ней.

— Наташа, подожди, — я шагнула к столу, заставив ее оторваться от чайника. — Ты ведь сама не раз говорила мне, что в этом мире точно что-то есть. Ты сама веришь, что за пределами нашей обычной физики существует нечто большее, просто не знаешь, как это правильно назвать! Так вот я тебе сейчас не про бабушкины сказки рассказываю, я пытаюсь объяснить то, с чем столкнулась нос к носу.

Я заглянула ей прямо в глаза, пытаюсь пробить эту стену жалостливого скепсиса:

— Если бы это было просто видение, я бы плюнула, забыла и дальше спокойно раскладывала свои карты Таро раз в месяц под настроение. Но здесь творится совершенно реальная, осязаемая хрень!

Наташа замерла, держа в руке кружку.

Она была потрясающей женщиной — жгучая брюнетка с точеными, невероятно выразительными чертами лица, в которых сразу читался характер. Но больше всего я обожала в ней не внешность, а ее редкий, острый ум. Наташа обладала удивительной проницательностью и всегда мыслила масштабно, объемно, заглядывая на несколько шагов вперед, пока остальные топтались на очевидных вещах. Да, порой она бывала чересчур кипишной, могла завестись с пол-оборота из-за пустяка, но эта ее эмоциональность ни на грамм не умаляла холодного расчета. Она мгновенно просчитывала любые риски и раскладывала сложные ситуации по полочкам. А я просто до дрожи обожаю людей с железной логикой.

Наташа медленно опустила чашку на столешницу. Ее внимательный, цепкий взгляд скользнул по моим глазам, затем по солевым разводам на косяке и, наконец, остановился на раскрытых архивных записях.

Я видела, как за ее красивым высоким лбом закрутились шестеренки. Она выключила режим «успокоить истеричку» и включила свой аналитический мозг.

Она не стала отшучиваться. Она пододвинула стул, села напротив меня, скрестила руки на груди и абсолютно серьезно, без тени насмешки произнесла:

— Ладно. Допустим, я принимаю твою вводную как факт. Давай с самого начала и по пунктам, без эмоций. Что конкретно они от тебя хотят и какой у них рычаг давления?

— Насколько я понимаю, Наташ... я вообще не должна была вернуться из-под того наркоза, — тихо, но твердо сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Мое сердце или тело должны были остаться там. И выходит, что я этих двоих просто обманула. Сбила их настройки. И теперь они взбесились и хотят во что бы то ни стало забрать меня — каждый в свой мир.

Я нервно провела ладонью по столу, сжимая пальцы:

— Но с другой стороны — в чем мой обман?! Я не считаю, что соврала им! Они задали мне прямые, конкретные вопросы: верю ли я во тьму, верю ли во Всевышнего. Я ответила чистую правду: нет, я не верю ни в черта, ни в их церковного Бога. У меня совсем другие предпочтения... если это вообще можно так назвать. Я склоняюсь к мирозданию, к первородным потокам энергии, к законам Вселенной, к эзотерике! Я мыслю шире их рамок, понимаешь?

Наташа слушала меня предельно внимательно, не перебивая, постукивая тонкими пальцами по краю кружки. На ее выразительном лице снова проступила та самая фирменная глубина — она не просто переваривала мои слова, а выстраивала из них жесткую логическую конструкцию.

— А теперь включи голову сама, Ань, — медленно, с легким прищуром произнесла Наташа, подавшись вперед. — Ты говоришь: «Я верю в эзотерику, в мироздание». Но эзотерика — это же не просто красивое абстрактное слово. В ней тысячи разных течений и направлений! И в эзотерике точно так же существуют сущности высшего и низшего порядка, астральные иерархии, хранители каналов и те же самые дуальные силы, просто названные другими именами. В которые ты, между прочим, всегда верила и признавала их влияние.

Наташа сделала паузу, давая мне осознать смысл, и добила своим железным аргументом:

— Для тебя это «потоки мироздания», а для них — их родная среда обитания. Назвав себя эзотериком, ты не вышла из системы, подруга. Ты просто признала, что знаешь об их тонком мире, но отказалась подчиняться правилам их игры. Они пришли забрать душу, а наткнулись на человека, который видит их структуру насквозь и отказывается платить дань. Вот почему они бесятся.

— Мда... — я тяжело выдохнула и спрятала лицо в ладонях. Кожа на щеках горела. — И что мне теперь со всем этим добром делать? Я же не смогу до конца жизни сидеть запертой в этой квартире, обмазавшись солью и вздрагивая от каждого мигания лампочки. Нужно что-то придумать. Выход по-любому есть, в любой системе есть брешь.

Я подняла голову и посмотрела на Наташу. Вся моя напускная броня и боевой запал на секунду сползли, обнажив ту самую ледяную, выматывающую жуть, которая копилась во мне с момента пробуждения в госпитале.

— Наташ... ты останешься сегодня со мной переночевать? Мне, честно, жутко от всего этого. Одной здесь оставаться — крыша поедет окончательно.

Наташа посмотрела на меня долгим, серьезным взглядом. Никаких лишних расспросов или вздохов — в кризисные моменты она всегда собиралась мгновенно.

— Конечно останусь, даже не обсуждается, — она решительно встала, подошла к чайнику и включила его. — Куда я тебя такую брошу? Сейчас напьемся горячего чая, я заберу у тебя этот ноутбук к чертовой матери, и мы ляжем спать. А завтра с утра, на свежую голову, сядем с блокнотом и распишем по пунктам, как закрыть этот твой нейтральный канал раз и навсегда.

Она повернулась ко мне, оперевшись о столешницу, и уверенно добавила: — Ты не первая, кто взломал их правила, Ань. Если алхимики в шестнадцатом веке как-то держали нейтралитет, значит, и мы с твоим мирозданием найдем, как послать их обоих по известному адресу.

Чай мы пили почти в полном молчании. Наташа что-то быстро печатала в телефоне — видимо, отменяла утренние планы, — а я просто тупо смотрела в кружку, чувствуя, как меня накрывает свинцовая, невыносимая усталость.

Мы расстелили постель в спальне. Наташа легла с краю, я забралась в тот самый угол у стены. Свет в прихожей и на кухне мы оставили включенным.

Едва моя голова коснулась подушки, тело обмякло. Я провалилась в сон так резко, словно кто-то щелкнул выключателем.

Сначала была просто темная, вязкая пустота. Но постепенно в ней начало проступать пространство. Я стояла босиком на холодном каменном полу, в центре огромного зала, не имеющего ни стен, ни потолка. Только бесконечный, гулкий сумрак.

И тут пространство раскололось надвое.

Справа от меня воздух наполнился мягким, золотистым сиянием. Из него шагнула высокая фигура. Свет вокруг него не слепил, как днем на остановке, а обволакивал — густой, теплый, пахнувший ладаном и старым медом.

Он остановился в паре шагов и протянул ко мне руку. — Зачем ты борешься, Анна? — его голос звучал как бархат, растворяя боль в животе и страх последних дней. — Ты устала. Ты вымотана. Отдай мне свои тревоги. В моем свете нет ни боли, ни сомнений. Я дам тебе абсолютную благодать, исцеление и покой, которого ты так жаждешь. Тебе больше не придется обороняться. Просто склони голову и прими защиту Высшего закона.

От его слов по телу разлилась такая невыносимо сладкая легкость, что мне захотелось немедленно закрыть глаза и упасть в этот теплый свет, позволив ему растворить меня без остатка.

Но слева раздался сухой, насмешливый хлопок.

Темный силуэт проступил из сумрака, словно выткался из пепла и ночных теней. От него веяло запахом озона перед грозой — резким, будоражащим кровь.

— Покой? Благодать? — Темный усмехнулся, и его голос — низкий, рокошующий — вибрировал прямо у меня под ребрами. — Он предлагает тебе стать покорной овцой в его вечном, скучном стаде. Стереть свою личность ради иллюзии безопасности. Разве этого ты искала, когда погружалась в законы Мироздания?

Темный шагнул ближе. Его лицо по-прежнему скрывал мрак, но я чувствовала на себе его острый, пронзительный взгляд. — Ты умна, Анна. Ты видишь то, что скрыто от большинства. Я не прошу тебя пресмыкаться. Я предлагаю тебе ключи. Знания древних, истинное управление потоками. Власть, перед которой твои любимые «эзотерики» покажутся слепыми детьми. Ты сможешь видеть устройство мира насквозь. Просто протяни руку... и возьми то, чего достойна.

Справа сиял абсолютный, беззаботный Покой. Слева манили сакральные Знания, к которым меня тянуло всю жизнь.

Они стояли по обе стороны от меня, ожидая ответа. И во сне, где контроль разума почти спит, искушение сделать шаг в одну из сторон было чудовищно сильным.

Я стояла между ними, чувствуя, как с двух сторон натягиваются невидимые нити. Один тянул в сладкую патоку смирения, второй — в пьянящий азарт тайного могущества.

Искушение было почти осязаемым. Казалось, сделай полшага в любую сторону — и бесконечная гонка закончится.

Но внутри меня, сквозь морок и усталость, щелкнул тот самый тумблер. Трезвый, въедливый, недоверчивый ум, который никогда не верил бесплатным подаркам.

Я не сделала шага. Наоборот — медленно выпрямила спину, скрестила руки на груди и перевела взгляд сначала на сияющий силуэт справа, а затем на клубящийся мрак слева.

— Красиво поете, — мой голос прозвучал в пустом пространстве сна удивительно четко, без тени страха. — Прямо классика маркетинга. Один продает вечный санаторий, второй — элитный доступ в закрытый клуб.

Светлая фигура едва заметно нахмурилась, отчего золотистое сияние вокруг нее пошло легкой рябью. Темный лишь коротко оскалился в тени, ожидая продолжения.

— Только у меня к вам обоим один очень простой вопрос, — я сделала шаг вперед, оказываясь ровно посередине между ними. — Вы оба утверждаете, что вы — высшие силы. Начало и конец. Создатели правил. Но если вы настолько самодостаточны, всемогущи и велики... почему вы оба топчетесь на пороге у человека, который просто перенес операцию? Зачем вам двоим так отчаянно нужно мое согласие?

На мгновение в зале повисла абсолютная, звенящая пустота. Ни шороха, ни дыхания.

Я повернулась к Светлому: — Если твоя благодать абсолютна, почему она не работает без моего подчинения? Зачем всесильному Богу моя покорность, как налог?

Затем резко развернулась к Темному: — А если твои знания дают истинную власть, почему ты сам зависишь от чужих контрактов? Кому на самом деле нужна эта сила — мне или тебе, чтобы через меня жрать энергию этого мира?

Они замерли.

Светлый силуэт дрогнул, его тепло стало колким, как морозная пыль. Он заговорил строже, но в голосе уже не было прежней мягкости: — Ты дерзишь закону, который держит этот мир. Без высшей воли ты — просто пыль, открытая для любого удара.

— А без моей воли ты — просто пустой свет без источника питания, — отрезала я.

Темный глухо зарычал, и клубящийся мрак вокруг него вскипел черными хлопьями: — Гордыня... Ты думаешь, что стоишь выше обеих систем? Одиночки здесь не выживают. Тебя разорвет на куски в первой же астральной воронке.

— Может, и разорвет, — я посмотрела прямо в темноту его лица. — Но это будет мой выбор и моя ответственность. А не ваша кормушка. Я не беру ваши подачки. Моя энергия остается со мной.

Я с силой сжала кулаки в своем сне и мысленно выстроила перед собой глухую, зеркальную стену, отражающую и золото, и пепел.

Пространство вокруг них с треском лопнуло. Оба силуэта смазались, словно краска под струей воды, их голоса слились в один далекий, яростный гул — и меня с силой вытолкнуло на поверхность.

Я резко распахнула глаза и шумно втянула ртом воздух.

Спальня. Утро. Сквозь щель в шторах пробивался бледный, настоящий дневной свет. Рядом на кровати, свернувшись калачиком, мирно сопела Наташа.

В комнате было тихо, прохладно и абсолютно чисто — ни единого чужого следа. Голова была ясной, а внутри вместо страха звенела железная, несокрушимая уверенность.

Я осторожно тронула Наташу за плечо.

Она сонно моргнула, сфокусировала на мне взгляд и тут же резко подобралась: — Что? Опять они?

— Нет, всё тихо, — я присела на край кровати, чувствуя непривычную легкость в голове. — Они приходили во сне. Оба.

Пока Наташа окончательно просыпалась, я выложила ей всё как на духу: и сладкие речи Светлого с его вечным покоем, и заманчивые посулы Темного с закрытыми знаниями мироздания. Но главное — как я на них отреагировала.

— Понимаешь, я почему-то вообще не испугалась, — рассказывала я, активно жестикулируя. — Я им дерзила в открытую! Задала им встречный вопрос: если вы такие всемогущие, какого черта вы от меня не отлипаете? И прямо во сне точно знала, как выставить зеркальный щит и вышвырнуть их вон. Сама не знаю, откуда во мне взялась эта уверенность, будто я всю жизнь только этим и занималась.

Наташа слушала, нахмутив свои выразительные брови. Ее острый аналитический ум моментально уцепился за нестыковку.

— Слушай, Ань... — медленно протянула она, глядя на меня с непривычной тревогой. — То, что ты отбилась — это отлично. Но меня настораживает, откуда у тебя эта внезапная

дерзость и знание тонких механизмов во сне. Обычный человек в панике либо ведется на обещания, либо бежит. А ты с ними как на равных базаришь. Либо в тебе проснулось что-то, о чем ты сама не подозреваешь, либо... они проверяют тебя на прочность с другого захода.

Она сбросила одеяло и решительно встала: — Так, философию оставим на потом. У меня от твоих хроник голова гудит. Собирайся, идем на свежий воздух. Нам обоим нужен нормальный, крепкий кофе с круассанами.

Мы быстро привели себя в порядок, накинули пальто и вышли на улицу.

Утро в Нанси выдалось свежим, пахло мокрой листвой и выпечкой. Мы дошли до ближайшей уютной *boulangerie* на углу, взяли по большой чашке капучино, свежие бриоши и устроились за столиком у окна, наблюдая за просыпающимся городом. Напряжение последних суток наконец начало отпускать.

Но наслаждаться тишиной нам пришлось недолго.

От стойки с заказами отделились двое мужчин и направились прямо к нашему столику.

Они выглядели так, словно только что сошли с обложки журнала — нереально фактурные, породистые и запредельно высокие, под два метра ростом каждый, с мощными плечами и безупречной атлетической фигурой.

Первый был эталоном нордической красоты: светлые, чуть небрежно уложенные волосы, открытое благородное лицо и пронзительные, чистые голубые глаза, в которых играло мягкое тепло. Второй — его полная противоположность: жгучий брюнет с идеальной аккуратной стрижкой, стильной ухоженной бородой, хищным профилем и глубокими, черными как смоль глазами, смотрящими с насмешливой уверенностью.

— Bonjour, mesdames, — с безупречным французским акцентом и легкой полуулыбкой произнес темноволосый. — Не возражаете, если мы составим вам компанию? Все остальные места у окон, увы, заняты.

Я на секунду замялась, но Наташа тут же расправила плечи, кокетливо поправила свои темные локоны и одарила их самой очаровательной улыбкой: — Bien sûr, присаживайтесь. Мы не против хорошей компании.

Наташе было сорок два, мне вот-вот должно было стукнуть сорок. Обе свободные, без отношений, обе уже прилично «засиделись в девках» — так что когда перед тобой материализуются два таких двухметровых красавца, инстинкты берут свое быстрее, чем любая подозрительность.

Мужчины галантно отодвинули стулья и сели напротив нас.

Светловолосый мягко улыбнулся и посмотрел прямо на меня своим ясным голубым взглядом, от которого по телу пробежала странная теплая волна: — Прекрасное утро для кофе, правда, Анна?

Я замерла с чашкой у губ. Мое имя я ему еще не называла.

— Я, по-моему, еще не представлялась, — я медленно опустила чашку на блюдце, глядя блондину прямо в глаза. Пальцы невольно сжались.

Светловолосый даже бровью не повел. Его улыбка осталась такой же открытой, теплой и обезоруживающей: — Прошу прощения за неловкость. Я просто случайно услышал у стойки, как ваша очаровательная подруга окликнула вас по имени, когда вы выбирали бриоши. Память на имена хорошая.

Объяснение прозвучало гладко, легко и вполне естественно. Но внутри у меня все равно что-то тихонько царапнуло.

Наташа тем временем уже сияла вовсю, явно наслаждаясь внезапным обществом таких фактурных мужчин: — Ну раз так, давайте знакомиться официально, — перехватила инициативу я, решив не показывать напряжения. — Я Анна, а это Натали. А вас как зовут, господа?

Мужчины переглянулись. Между ними на долю секунды проскользнула едва уловимая искра — смесь давнего соперничества и скрытой насмешки.

Светловолосый атлант чуть склонил голову, прижав ладонь к широкой груди: — **Габриэль**. Для друзей можно просто Габри.

Второй — брюнет с аккуратной стрижкой, идеальной бородой и угольно-черными глазами — криво усмехнулся, глядя на нас из-под густых ресниц: — А я **Люциан**.

— Габриэль и Люциан... — протянула Наташа, пробуя их имена на вкус с явным удовольствием. — Звучит очень кинематографично. Вы коллеги или старые друзья?

— Скорее... давние партнеры по вечным спорам, — насмешливо отозвался Люциан, не сводя с меня своего тяжелого, гипнотического взгляда. — Никак не решим, на чьей стороне правда.

Мужчины вели себя безупречно. Они щедро рассыпали комплименты, легко шутили, галантно пододвигали сахар и салфетки, не обделяя вниманием ни Наташу, ни меня. Со стороны это выглядело как совершенно обычный, приятный утренний флирт: две свободные зрелые женщины за столиком в пекарне и двое невероятно фактурных, уверенных в себе незнакомок, решивших скрасить утро.

Наташа была в своей стихии. Она искренне смеялась над шпильками Люциана о французских законах и с явным удовольствием ловила на себе открытые, лучистые взгляды Габриэля.

— Вы, наверное, в спорте или модельном бизнесе работаете? — с легким лукавством прищурилась Наташа, окинув их широкие плечи оценивающим взглядом. — С таким-то ростом и данными в обычном офисе сидеть просто грех.

Габриэль негромко рассмеялся — бархатно, искренне, обнажая ровные белые зубы: — Скажем так, Натали, работа разъездная. Консультации, решение затяжных споров. Стараемся наводить порядок там, где люди сами не справляются.

— Скорее уж Габри пытается всех подогнать под свои идеальные стандарты, — усмехнулся Люциан, вертя в длинных пальцах чашку с черным эспрессо. — А я больше по кризисному менеджменту. Помогаю тем, кто запутался, взглянуть на вещи без лишних иллюзий и взять то, что причитается.

Разговор тек сам собой, плавно и непринужденно. Они оба казались безумно харизматичными, интересными и галантными мужчинами.

Но где-то на самом краю сознания у меня не переставало зудеть смутное, иррациональное чувство неловкости. В их жестах сквозила странная, почти идеальная синхронность. Когда Габриэль мягко подливал мне воды и сочувственно замечал, что мне стоит поберечь силы после тяжелой недели, в его голосе слышалась странная, всепоглощающая забота. А когда Люциан ловил мой взгляд своими черными глазами и с полуулыбкой ронял фразу о том, что правила существуют только для тех, кто боится собственной силы, меня пробирало мелким внутренним ознобом.

«Так, стоп, — одернула я сама себя, сделав глоток капучино. — Ты уже везде видишь заговоры и знаки. Это просто два красивых мужика, которые подсели познакомиться».

Наташа под столом легонько толкнула меня ногой и, пока мужчины отвлеклись на подошедшего официанта, выразительно округлила глаза и беззвучно одними губами прошептала: *«Ты посмотри на них! Они же оба с тебя глаз не сводят!»*

Я только покачала головой, пряча улыбку за чашкой. Обычное знакомство в пекарне в центре Нанси. Никакой мистики, никаких теней. Просто утро, кофе и двое случайных прохожих.

Когда наши чашки почти опустели, Габриэль аккуратно отставил блюдце и посмотрел на нас с теплой, открытой улыбкой:

— Прекрасные дамы, у нас сегодня довольно свободный вечер. Было бы преступлением не продолжить такое замечательное знакомство. Как вы смотрите на то, чтобы собраться всем вместе часов в семь в каком-нибудь уютном ресторанчике в центре и нормально посидеть?

— Отличная мысль, — поддержал Люциан, слегка склонив голову и сверкнув своими черными как смоль глазами. — Здесь недалеко, на площади Сен-Эвр, есть пара отличных мест с хорошей кухней и спокойной атмосферой.

— Ой, спасибо за приглашение, но я, наверное, пас, — тут же пошла на попятную я, вспомнив про ноющий живот и общее состояние. — Я сегодня не в той форме, чтобы гулять по вечерам...

Договорить мне не дали. Под деревянной столешницей Наташин носок со всей дури и без малейшей жалости прилетел мне прямо по щиколотке. Я аж поперхнулась воздухом, едва не выронив салфетку.

— Она просто скромничает! — с сияющей улыбкой перебила Наташа, бросив на меня такой испепеляющий взгляд, в котором читалось: *«Только попробуй отказаться, я тебя придишу»*. — Мы с удовольствием согласны! Свежий воздух и приятная компания — это как раз то, что нам обоим сейчас нужно. Семь вечера на Сен-Эвр идеально подходит.

Мужчины удовлетворенно переглянулись. Мы быстро обменялись номерами телефонов, Габриэль галантно оплатил весь счет у стойки, несмотря на наши слабые протесты, они вежливо попрощались и вышли на улицу, растворившись среди прохожих.

Едва стеклянная дверь пекарни за ними закрылась, я набросилась на Наташу:

— Наташ, ты в своем уме вообще?! — зашипела я, потирая ушибленную щиколотку. — Ты не забыла, что я только вчера из-под ножа вылезла? У меня четыре дырки в животе, я на жестких обезболивающих и антибиотиках! Мне алкоголь вообще нельзя — ни капли! Максимум пустой чай или воду без газа цедить. Да я и поесть нормально ничего не смогу из ресторанного меню, у меня строжайшая диета из протертых бульонов! Куда ты меня тащишь?!

Наташа вальяжно откинулась на спинку стула, сделала последний глоток своего кофе и с абсолютно невозмутимым видом победительницы посмотрела на меня:

— Дорогая моя, включи логику. Ты собираешься весь остаток больничного провести дома, выискивая чертей по углам и обмазываясь солью? Тебе нужно переключить мозги! Будешь пить свой ромашковый чай и жевать листик салата — никто тебя заливать вином насильно не станет. Зато посмотри, какие экземпляры! Два метра чистой породы, манеры, интеллект, харизма. Мы сто лет никуда нормально не выбирались. Посидим пару часов, поболтаем, посмеемся — и для твоей реабилитации это будет в сто раз полезнее любых таблеток.

Глава 2

Мы вернулись ко мне около полудня. Наташа сразу оккупировала ванную, наводя марш-фет, а я, скинув пальто, прошла в комнату.

В голове всё еще крутились события утра. С одной стороны, хотелось просто выдохнуть и поверить: это обычные мужчины, случайное приятное знакомство, не всё же в этом мире крутится вокруг мистики.

Но что-то внутри не давало покоя. Слишком гладко всё вышло. Слишком правильные слова, слишком пронзительные взгляды.

Я подошла к рабочему столу и открыла свой блокнот с выписками из Библиотеки Станисласа. Мой взгляд упал на переведенный фрагмент из трактата *«De Animis Neutris»*:

«Сущности не приходят в наш мир в грохоте и пламени — земная материя отвергает их прямое проявление. Они принимают человеческий облик, перенимая лучшее из видимой природы. Один несет искушение покоем и порядком, второй — страстью и силой. Но помни: их природа не меняется от смены оболочки».

Я замерла, глядя на строчки.

В памяти всплыли утренние детали. Габриэль — со своим открытым, светлым лицом, речами о «порядке там, где люди запутались», и той мягкой, обволакивающей теплотой, от которой сразу хотелось сдаться и довериться. Люциан — с его иронией, черными как бездна глазами и фразами о «хаосе, который продуктивнее правил», и о силе без иллюзий.

«Да ну, бред... — мелькнула первая мысль. — Совпадение. Обычные метафоры взрослых, попидавших жизнь мужиков».

Но следом включилась холодная логика.

Почему именно сейчас? Почему двое идеальных, словно вылепленных под копирку противоположностей подсаживаются именно к нам, ровно в то утро, когда я во сне отказала двум силам? Случайно услышали имя? Или это продолжение той же самой охоты, просто перенесенной на физический план, где правила тоньше и опаснее?

Я медленно закрыла блокнот.

Если это просто мужчины — отличный повод провести вечер в хорошей компании. Но если это они... значит, игра перешла на совершенно другой уровень. И на этот раз мне понадобится не соль, а предельная наблюдательность.

«Ладно, — подумала я, глядя в зеркало и поправляя волосы. — Проверим вас обоих на вкус и цвет».

Я выбрала простое и элегантное трикотажное платье графитового оттенка: свободный крой не давил на свежие швы от лапароскопии, но при этом сидел безупречно. Минимум косметики, удобные ботильоны.

К половине седьмого мы с Наташей вышли в сырой вечерний город.

Площадь Сен-Эвр мерцала теплыми огнями фонарей и витрин. Возле массивных дверей ресторана нас уже ждали две высокие, мощные фигуры.

Габриэль сделал шаг навстречу, тепло улыбнулся и протянул мне руку: — Добрый вечер, Анна. Рад, что вы всё-таки решились.

Я вложила пальцы в его ладонь — и в ту же секунду тупая боль внизу живота мягко угасла, сменившись странным, убаюкивающим теплом. Я списала это на действие вечерней таблетки, но ладонь аккуратно высвободила.

Люциан, стоявший чуть сбоку в расстегнутом черном пальто, окинул нас с Наташей внимательным взглядом и усмехнулся: — Добрый вечер, дамы. Натали, великолепно выглядите. Анна, признаться, я думал, вы найдете благовидный предлог остаться дома с пледом и книгой. Приятно удивлен.

— Плед подождет, — сдержанно отозвалась я, глядя в его насмешливые черные глаза. — Не хотелось портить вечер подруге.

— Джентльмены, мы заходим? — весело вмешалась Наташа, поправляя воротник. — А то здесь слишком свежо для долгих приветствий.

Люциан перехватил тяжелую дубовую ручку и распахнул перед нами дверь: — Прошу. Столик у камина уже готов.

Мы вошли в теплое, залитое мягким светом пространство зала. Играл негромкий джаз, пахло жареным розмарином и хорошим вином.

Пока официант расставлял приборы, а Наташа выбирала закуски, я оперлась локтями о край стола и с легкой улыбкой посмотрела на мужчин. Этот вопрос вертелся у меня на языке еще с пекарни.

— Слушайте, а можно нескромный вопрос? — я перевела взгляд с одного на другого. — У вас очень редкое сочетание имен. Габриэль — ладно, для Франции имя вполне классическое, хоть и звучит красиво. Но вот Люциан... Согласитесь, сегодня ребенка так называют нечасто. Родители увлекались латынью или старыми романами?

Наташа под столом выразительно толкнула меня ногой, бросив взгляд в стиле «*Аня, прекрати пытаться людей на первом свидании*». Габриэль же только мягко, добродушно усмехнулся, покачивая бокал с минеральной водой.

Люциан не смутился ни на секунду. Он вальяжно откинулся на спинку стула, повертел в пальцах бокал с тяжелым рубиновым вином и с насмешливой полуулыбкой посмотрел на меня:

— Обычная семейная ирония, Анна. Мой дед обожал античность и считал, что редкое имя формирует характер. С латыни *Lucianus* — это просто «светлый» или «тот, кто проливает свет». Правда, в школе учителя от этого «света» были, потому что я всегда лез с лишними вопросами и спорил с правилами. А люди, знаете ли, не любят тех, кто сует нос туда, куда не просят, и сразу приписывают дурной нрав.

Он сделал глоток и шутливо кивнул в сторону блондина:

— Вот и с Габриэлем у нас вечный баланс. Он у нас за дипломатию, правильные поступки и соблюдение регламентов, а я — за то, чтобы подвергать все сомнению и не верить на слово красивым обещаниям.

— Кто-то же должен быть в нашей команде голосом разума, пока ты ищешь подвох даже в прогнозе погоды, — легко отшутился Габриэль, тепло улыбнувшись нам с Наташей.

Они оба рассмеялись. Звучало это как самая обычная перепалка двух давних коллег с абсолютно разными характерами — консерватора-дипломата и циника-кризисника. Ничего сверхъестественного, просто двое уверенных в себе мужчин шутили за ужином.

— Ой, мальчики, всё с вами ясно, — звонко рассмеялась Наташа, делая глоток вина. — Типичный спор: один зануда-отличник, второй — школьный бунтарь с задней парты. Обожаю такие контрасты!

Я тоже улыбнулась, отпивая теплый чай. В их шутках не было ничего подозрительного, но разговор определенно обещал быть интересным.

Наташа быстро разделалась с закуской и с удвоенной энергией взялась за допрос:

— Так, а чем вы всё-таки конкретно занимаетесь? «Кризисный менеджмент» и «затяжные споры» — это слишком туманно. Юристы, аудит, слияния и поглощения? Какая сфера?

Габриэль мягко улыбнулся, аккуратно промокнул губы салфеткой и заговорил своим ровным, бархатным голосом:

— Скажем так, Натали, мы работаем с нестандартными ситуациями. Бывают случаи, когда стороны заходят в тупик, теряют ориентиры, и нужен кто-то со стороны, кто восстановит баланс и напомним об ответственности. Это больше посредничество и медиация на очень высоком уровне.

— Высоком — это каком? Международные холдинги? Госкорпорации? — Наташа с прищуром оперлась подбородком на руку, пытаясь вытянуть хоть какую-то конкретику.

Люциан тихо усмехнулся, покачивая бокал:

— Слишком много вопросов для первого ужина, дорогая Натали. Назовем это управлением рисками. Габриэль пытается сохранить старые связи и удержать стороны от резких движений, а я прихожу тогда, когда старая система трещит по швам и нужно помочь человеку принять неизбежные перемены. Специфика работы такова, что названия клиентов и деталей договоров мы раскрывать не имеем права.

Вечер пролетел незаметно. К девяти часам я уже начала клевать носом: действие сильного обезболивающего постепенно заканчивалось, проколы на животе заныли от долгого сидения, да и организму требовался элементарный покой.

Габриэль, заметив, как я невольно прикоснулась к боку, тут же перехватил инициативу:

— Мне кажется, нашей прекрасной Анне пора отдыхать. Режим нарушать нельзя.

Люциан жестом подозвал официанта и, несмотря на попытки Наташи достать кошелек, быстро расплатился картой.

— На улице прекрасный вечер, дождь как раз стих, — сказал Габриэль, помогая мне аккуратно надеть пальто. — Позвольте нам проводить вас обеих до дома. В вечернем Нанси легко поскользнуться на мокрой брусчатке, а вам лишние встряски сейчас ни к чему.

— С удовольствием! — Наташа тут же подхватила Люциана под локоть, сияя от удовольствия.

Дорога до моего дома заняла минут пятнадцать. Габриэль шел рядом со мной, деликатно поддерживая за локоть на спусках и ступенях, а впереди Наташа вовсю щебетала с Люцианом, то и дело взрываясь звонким смехом от его едких замечаний.

Около моего подъезда они остановились.

— Спасибо за прекрасный вечер, дамы, — Габриэль слегка склонил голову и мягко пожал мою руку, задержав ее в своей теплой ладони на пару секунд дольше положенного. — Берегите себя, Анна. Выздоровливайте.

Люциан галантно поцеловал руку Наташе, затем повернулся ко мне и с едва заметной насмешливой полуулыбкой подмигнул: — До скорой встречи, Анна. Отдыхайте. Главное — не делайте поспешных выводов.

Когда мужчины скрылись за поворотом улицы, растворившись в вечернем тумане, мы поднялись ко мне на этаж.

Едва за нами захлопнулась входная дверь и щелкнул замок, Наташа сбросила туфли, обернулась ко мне и твердо сказала:

— Так, подруга. Я сегодня опять остаюсь у тебя. Даже не спорь. Во-первых, ты еле на ногах стоишь, тебе нужно швы обработать и лечь. А во-вторых... эти двое, конечно, потрясающие красавцы, но чертовски скрытые. У меня от их «медиации» и «высоких уровней» профессиональный зуд включился. Переночуем вместе, а завтра я помогу тебе с хозяйством и мы спокойно всё это обсудим.

Пока Наташа грела воду для чая и шуршала упаковками с бинтами, я села за кухонный стол и пододвинула к себе ноутбук. Интуиция — штука упрямая: если внутри свербит неясная тревога, логика требует фактов.

Эти имена не выходили у меня из головы всю дорогу от ресторана. Вроде бы обычные европейские варианты, но в них звенел какой-то скрытый подтекст.

Пальцы быстро застучали по клавишам: *«Имя Габриэль этимология происхождения сакральный смысл» «Имя Люциан Люциус корень значения мифология»*

Экран высветил статьи по ономастике и религиозным первоисточникам.

Я пробежалась глазами по строчкам:

Габриэль — древнееврейское *Гавриэль*, буквально: «Сила Всевышнего», «Бог — моя мощь». Верховный вестник, архистратиг, глашатай абсолютного порядка, небесной воли и закона. Тот, кто возвещает неизбежное и требует смирения перед высшим судом.

Люциан — латинское производное от *Lucifer / Lucius*, корень *lux* (свет). Дословно: «Несущий свет», «Светоносный». В древней мифологии — утренняя звезда, символ познания через сомнение, бунт против догм, стремление к закрытой мудрости и независимости любой ценой. Тот самый мятежный дух, отвергший подчинение.

Я замерла, глядя на светящийся экран. В голове словно замкнуло два оголенных провода.

Один воплощает абсолютный божественный Порядок и Закон. Второй — первородный Бунт, искушение знанием и разрыв догм.

В точности как в моем сне. В точности как те две силы, от которых я отбивалась на операционном столе и в собственной спальне.

— Наташ, глянь, — тихо позвала я, поворачивая экран в ее сторону. — Посмотри на значение их имен. Габриэль — «Сила Бога», вестник смирения и закона. Люциан — «Светоносный», Люцифер, мятеж и поиск тайных знаний. Они даже имена не стали менять, понимаешь? Они просто натянули человеческие костюмы и сидели с нами за одним столом!

Наташа поставила передо мной дымящуюся кружку с ромашкой, присела на соседний стул и внимательно посмотрела сначала на экран, а потом на меня. В ее глазах не было паники — только привычная, кристальная трезвость и легкая ирония.

— Ань, ну ты серьезно? — Наташа мягко покачала головой, постукивая ложечкой по краю чашки. — Ты сейчас реально натягиваешь сову на глобус. Габриэль — это одно из самых популярных мужских имен во Франции! У нас в каждом втором офисе сидит по Габриэлю, а в школах их пруд пруди. А Люциан — нормальное старое латинское имя, в той же Румынии, Италии или на юге Франции его до сих пор дают детям.

Она придвинула ко мне пачку с таблетками и строго добавила:

— Ты просто дико устала. Твой мозг после наркоза, стресса и всей этой мистики застрял в режиме тревоги и теперь цепляется за любой пустяк. Ты ищешь скрытые знаки там, где есть просто двое красивых, успешных мужиков с хорошим чувством юмора. Если бы к нам подсели Жан и Пьер, ты бы нашла в гугле, что Жан — это Иоанн Креститель, а Пьер — Апостол Петр на страже райских врат. Пей чай, принимай таблетку и марш в кровать. Утро вечера мудренее.

Я закрыла крышку ноутбука, послушно выпила ромашковый чай и заставила себя лечь.

Наташа уснула почти мгновенно: мерное, глубокое дыхание подруги заполняло комнату, создавая иллюзию абсолютной безопасности и домашнего уюта. Но мой мозг отказывался выключаться. Внутри свербило странное, липкое чувство, что я упустила что-то очевидное. Картинка с именами складывалась слишком гладко, как дешевый пазл для детей.

Я проворочалась около часа, глядя в серый потолок, а потом тихо, стараясь не скрипнуть матрасом, выбралась из-под одеяла.

На цыпочках прошла на темную кухню, прикрыла за собой дверь и снова открыла ноутбук.

Я не стала перечитывать современные статьи по именам. Вместо этого вернулась к закладкам с оцифрованными рукописями из архива — к тому самому разделу по духовным трактатам лотарингских теологов XVII века.

Пальцы медленно прокручивали страницы со сложной, затертой от времени латынью, пока взгляд не зацепился за короткий фрагмент в главе об астральных контактах.

Я вчиталась в полустертые строчки:

«Не ищи сущность по имени, которым она представляется смертному. Имя для них — лишь одежда, форма и приманка, но не сама их природа. Лишь слепой судит по знакам. Разницу определяет не имя, но цена...»

На этом рукописная заметка на полях обрывалась. Текст дальше был залит старыми чернилами.

Я перечитала последнюю строчку.

«Цена?»

Какая цена? И за что именно?

В тишине кухни раздался короткий, отчетливый виброотклик.

Экран смартфона на столе вспыхнул бледным светом. На панели появилось уведомление от того самого номера, который Люциан надиктовал нам у пекарни.

Сообщение было лаконичным:

«Изучать древние тексты по ночам полезно, Анна. Но помните: самые опасные ловушки расставляет тот, кто дает вам ровно те ответы, которые вы больше всего хотите найти. Спокойной ночи».

Я замерла, не отрывая взгляда от тускло мерцающего экрана.

Он знал, что я не сплю. Знал, что я открыла архив.

Но откуда, черт возьми, он мог знать, *что именно* я там искала?

Откуда эта фраза про «ответы, которые вы хотите найти»? Тонкая психологическая угадка опытного манипулятора, знающего, что после разговора об именах человек полезет копать? Или он каким-то немыслимым образом видел каждую строчку на моем мониторе?

Вопрос завис в густой тишине темной кухни. Ответа на него не было. И именно эта неопределенность давила сильнее всего: я понятия не имела, с кем на самом деле играю и сколько они уже успели узнать обо мне.

Я медленно опустила крышку ноутбука, взяла телефон и пошла обратно в спальню. Ложиться больше не хотелось, но оставаться наедине с этой техникой — тем более.

Утро наступило серое, типично лотарингское, с монотонным стуком капель по карнизу.

Наташа проснулась около восьми, потянулась и бодро сползла с кровати. Ее практичный, живой настрой моментально наполнил квартиру нормальной человеческой суетой: зашумела вода в ванной, зашкворчало оливковое масло на сковороде. Я решила промолчать про ночное сообщение Люциана. Во-первых, не хотелось снова слушать логичные объяснения про совпадения, а во-вторых... внутри шевельнулось странное, собственническое желание разобраться в этом самой.

Пока мы завтракали омлетом, мой телефон ожил снова.

На экране высветилось имя Габриэля, а следом — входящий звонок.

Наташа, державшая чашку у рта, моментально сделала круглые глаза и беззвучно замала руками, призывая меня ответить.

Я нажала на зеленую кнопку и поднесла трубку к уху: — Алло?

— Доброе утро, Анна, — бархатный, глубокий голос Габриэля звучал удивительно спокойно и мягко, словно разливая по проводам чашку горячего какао. — Прошу прощения за столь ранний звонок. Я просто хотел узнать, как ваше самочувствие после вчерашнего вечера. Швы не беспокоят?

В его интонациях не было ни капли давления — только искренняя, почти осязаемая забота взрослого, сильного мужчины.

— Доброе утро. Спасибо, Габриэль, всё в порядке, — ровно ответила я, хотя внутри предательски дрогнула струна: слишком непривычно было ощущать такое прямое мужское внимание без навязчивости.

— Рад слышать, — на том конце раздался теплый, негромкий смешок. — Погода сегодня не располагает к прогулкам, поэтому мы с Люцианом подумали... Если вы не против, я мог бы заехать за вами и Натали ближе к обеду. В пригороде, в сторону Понт-а-Муссон, есть потрясающее тихое место с закрытой оранжереей и камином. Никакого шума, теплый травяной сбор и хорошая компания. Вы сможете отдохнуть, не напрягая организм. Что скажете?

Я посмотрела на Наташу. Та уже считывала каждое слово по моему лицу и с умоляющим видом складывала ладони домиком.

С одной стороны — ночное, пугающе пронизательное предупреждение Люциана. С другой — мягкая, обволакивающая галантность Габриэля, от которой веяло таким редким для меня покоем.

— Знаете, Габриэль... — я сделала маленькую паузу, слушая его размеренное дыхание в трубке. — Камин и травяной сбор звучат слишком заманчиво, чтобы отказаться. Тем более в такую погоду. Мы будем готовы к часу.

— Чудесно, — в его голосе прозвучала неподдельная, искренняя радость, от которой где-то под ключицами разлилось приятное тепло. — Заедем ровно в час. До скорой встречи, Анна.

Едва я нажала отбой, Наташа победно вскинула руки к потолку: — Да! Наконец-то ты включила нормальную женщину! Всё, доедай омлет, я иду мыть голову. Нам нужно выглядеть так, будто мы каждый день выезжаем за город с двухметровыми аристократами.

Подготовка прошла на удивление легко. Впервые за эти тяжелые дни меня не накрывала тревога. Напротив — в груди шевелилось забытое, волнующее предвкушение. Я выбрала мягкий молочный свитер свободного кроя, не давящий на свежие швы, широкие шерстяные брюки и любимый кашемировый палантин. В зеркале на меня смотрела вполне привлекательная, хоть и немного бледная женщина с живым блеском в глазах.

Ровно в час в домофон раздался короткий, вежливый звонок.

Внизу нас ждал темно-синий представительский внедорожник. Габриэль стоял у пассажирской двери — в светлом пальто поверх водолазки, высокий, плечистый, с открытой обезоруживающей улыбкой. Он тут же шагнул мне навстречу, бережно взял под локоть, помогая сесть на заднее сиденье, и отрегулировал подогрев: — Как вы себя чувствуете? В машине не дует?

— Всё отлично, спасибо, — улыбнулась я, устраиваясь на мягкой коже.

Рядом со мной с сияющим видом плюхнулась Наташа, а с переднего пассажирского сиденья неторопливо обернулся Люциан. Черное шерстяное пальто с поднятым воротником, идеально подстриженная борода и тот самый цепкий, насмешливый взгляд черных глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.